

МОЙ ДРУГ

К 60-летию со дня рождения В. М. Гусева

МОГ ЛИ Я ПОДУМАТЬ, когда познакомился с поэтом Виктором Гусевым, что наступит день, и я буду писать воспоминания о нем, приуроченные к шестидесятилетию со дня его рождения и к двадцатилетию со дня его кончины. Было тогда Виктору Гусеву семнадцать лет, да и мне немногим более. Учились мы с ним на Высших литературных курсах, учились жадно, так как были уверены в том, что, не овладев науками, не сумеем создавать художественные произведения. Вместе с тем к себе да заодно и к наукам внешне относился Виктор несколько иронически. И вообще в те годы он зачастую считал необходимым прятать от людей свое душевное состояние. Зачем? Думается мне, потому, что был крайне застенчивым и под маской иронии и якобы несерьезного отношения к любому делу ему удавалось скрывать эту свою застенчивость. Это свойство характера сохранилось в нем и до конца короткой его жизни, только в более зрелом возрасте он как бы научился не давать воли застенчивости, и потому только очень близкие люди замечали ее.

Однажды в марте 1928 года в коридоре помещения курсов вдруг появился Виктор Гусев с книжкой журнала «Октябрь» в руках. Через несколько мгновений выяснилось, что в этой книжке «Октября» напечатано стихотворение Виктора «Чуден Днепр...». А еще через несколько минут об этом узнали чуть ли не все слушатели курсов. Гусев — «Октябрь»! Это произвело, не преувеличивая скажу, ошеломляющее впечатление. Слушатели курсов нет-нет и печатались в некоторых «тонких» журналах. Боюсь утверждать, но мне кажется, что это был первый случай, когда кто-нибудь из нас напечатался в «толстом» журнале. Минут на десять, на пятнадцать вся жизнь курсов сосредоточилась в коридоре вокруг Виктора Гусева. Напрасно звонки энергично призывали на лекции. Мы предпочитали оставаться в коридоре, каждый из нас считал необходимым подержать книгу «Октября» в руках, лично убедиться, что вот он стоит, прислонившись к стене, наш Виктор, и именно его стихотворение «Чуден Днепр...», а никого иного, помещено в журнале «Октябрь». Верный себе, сам Гусев отнесся к тому, что стал одним из авторов «толстого» журнала, исключительно холодно, даже не без иронии. Звонки

неистовствовали, а мы не могли покинуть Гусева. Да, это была слава! Правда, в весьма ограниченном масштабе. Слава автора в будущем широко популярной, знаменитой пьесы «Слава», поставленной почти во всех театрах нашей страны и во многих театрах за рубежом. Но вот когда звонки уже окончательно охрипли от множества призывов, слушатели разошлись по аудиториям, в коридоре остались лишь Виктор и я. С минуту он продолжал быть холодным, безразличным.

— Неплохо? — спросил он меня, подкидывая в руке книжку журнала.

Я не успел ответить, как вдруг его, что называется, прорвало. Он заговорил так, как еще ни разу не говорил до этого. Много, очень много лет прошло с того времени, но я не забыл ни одного слова из его речи. Да, это именно была речь, обращенная к одному-единственному человеку, речь страстная, бурлящая. Виктор говорил, что он счастлив, что, наверное, сейчас на всем белом свете нет счастливее его человека, что он только теперь понял, что может не только «блаловаться» стихами, в чем, оказывается, был уверен до этого времени, но и создавать стихи, стихи о советских людях, о великодушных их делах, о Родине, так горячо им любимой. Но его страшно волнует то, как отнесется к стихотворению Маяковский.

Виктор Михайлович ГУСЕВ, 1932 г.

Тут взволновался и я. Мы не то что любили Маяковского и считали его превосходным поэтом — он был нашим кумиром. Мы не видели в нем никаких недостатков, а лишь одни достоинства. Берусь утверждать, что от нас, от молодежи тех лет, — от нас от первых он получил звание великого поэта, получил это звание еще задолго до того, как великим его признали все.

Действительно, как же отнесется к стихотворению «Чуден Днепр...» Маяковский? (В том, что он обязательно прочтет это стихотворение, мы не сомневались: не было таких стихов в центральных журналах и газетах, которых бы не читал Маяковский.) Требовалось это хоть как-нибудь предвидеть, перечитать стихотворение «Чуден Днепр...», не просто перечитать, а глубоко вникнуть в каждую его строку, в каждое слово. Мы пошли в одну из присутвавших аудиторий. Сперва я прочел стихотворение по себе, а потом вслух. Потом Виктор его прочел мне, как читал всегда, всю жизнь: немно-

го певуче, немного разговорно, а в общем так, как будто бы он сам удивлялся им же написанному. Но чем более мы вникали в стихотворение, тем менее нам становилось понятным, как отнесется к нему Маяковский. Истина как бы все больше отдалялась от нас. И, когда она наконец скрылась где-то вдали, мы в полночь покинули аудиторию, так и не ощутив, понравится ли «Чуден Днепр...» Маяковскому.

Владимир Владимирович! У него было много близких друзей, превосходных прозаиков и поэтов. Тут и Николай Асеев, и Лев Кассиль, и Семен Кирсанов. Это всем известно. Но вряд ли кто знает, что нам, в то время никому не ведомым слушателям литературных курсов, этот поэт был дорог, как родной, самый родной человек. Каждая обида, ему нанесенная, была нашей обидой, каждая его радость была нашей радостью. А он был щедр к нам, очень щедр! Почти все свои новые стихи он читал нам, слушателям литературных курсов, еще до того, как отдавал в печать.

И, пожалуй, из всех нас самым горячим почитателем Маяковского был Виктор Гусев. Казалось бы, что общего между Владимиром Маяковским и Виктором Гусевым? Совсем разные поэты. Но этого, наверное, никто теперь не знает, а Виктор Гусев считал себя учеником великого поэта. И правильно считал, несмотря на все отличие своих стихов от стихов Маяковского. А откуда же взялась в творчестве Виктора та знаменитая «гусевская» интонация, у которой не так уж мало теперь последователей, та разговорная и якобы непозитическая интонация, а на самом деле высокопоэтическая, которая сделала такими популярными его пьесы «Слава», «Весна в Москве», «Сын Рыбакова», его стихи «Семья», «Две скрипки», его песни «Полушко-поле», «Были два друга» и прочие, и прочие его произведения. Большинство из них живет и сейчас, ставится на сценах многочисленных театров, печатается, исполняется с эстрады. Так откуда же эта гусевская разговорная интонация? Да, конечно, от воспринятой им и по своему выраженной ораторской интонации великого поэта. Этому умению не смотреть снизу вверх или сверху вниз на своего читателя, слушателя, а обращаться с ним запросто, не поучать его менторски, а относиться к нему по-дружески, не прощая при этом ему никаких прегрешений, разговаривать с ним на равных — всему этому учился Гусев у Маяковского.

Гусев жил мало, очень мало. Но каждый день его короткой жизни буквально был днем поисков чего-то нового, интересного, животрепещущего. Он много ездил по стране. И когда возвращался домой, в Москву, казалось, что это будет не слишком долгой остановкой, а дальше снова в путь. Любознательность его поистине была великопленной: он ежедневно прочитывал почти все выходящие у нас в Москве газеты; гуляя, он любил заглядывать в окна первых этажей.

— Там кусочки жизни за стеклом, — говорил он. — Это страшно интересно.

Интересным для него было все: и люди, и события, и наука. Все, все, все! И казалось, что даже очень долгая жизнь не исчерпает этого интереса. Но жизнь его была до обидного короткой.

С того дня, когда в коридоре Высших литературных курсов появился Виктор Гусев с книжкой «Октября» в руках, и началась наша дружба. Окончилась ли она в тот день, когда его не стало? Нет. Я чужд всякой мистики и говорю вполне уверенно и трезво: не окончилась. В кабинете моем, над рабочим моим столом, многие-многие годы висит его портрет. Я часто гляжу на него, и мне кажется, что Виктор жив.